

Сергеев Владимир Сергеевич

Очерки по истории древнего Рима

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Сергеевич С.**
Очерки по истории древнего Рима / Сергеев Владимир Сергеевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 464 с.

ISBN 978-5-519-85415-3

ISBN 978-5-519-85415-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Глава XIV ПРИНЦИПАТ

1. ПРИНЦИПАТ АВГУСТА

С окончанием гражданской войны, после смерти Антония и конца второго триумvirата, главой Римского государства сделался *Октавиан*. В 29 г. Октавиан вернулся в Италию. В Брундизии, месте его высадки, в честь его была воздвигнута триумфальная арка, на всем пути до Рима победители приветствовали многочисленные депутации, толпы народа, женщины и детей. В Риме в честь Октавиана был дан тройной триумф по случаю победы в Далмации, при Акции и в Египте, устроены великолепные игры, совершались жертвоприношения, торжественные молебствия, улицы были полны народом и в течение нескольких дней производились раздачи. Среди военнопленных, особенно привлекавших внимание толпы, находились дети Клеопатры Александр и Селена, следовавшие за маской их матери, снятой на смертном ложе и несомой на особых носилках.

Гражданская война была окончена, храм бога Януса закрыт. Еще до того сложивший с себя звание триумвира, Октавиан в 29 г. получил пожизненное императорство и приступил к реорганизации доставшегося ему колоссального наследства в виде Римской республики. Однако, не чувствуя себя еще в достаточной мере прочным и помня недавний горький опыт своего «божественного» отца Юлия Цезаря, Октавиан держал себя в высшей степени осторожно. С целью сгладить остроту государственного переворота он выступал не в роли основателя монархии, а в более скромной роли реставратора республики. Республиканские учреждения, привычки и права слишком крепко врослись со всем строем римской жизни, чувствами и нравами современников Октавиана, чтобы можно было сразу порвать с прошлым и превратить граждан в подданных. Этого не желал и сам

Октавиан, достаточно умный и расчетливый политик. Превращение республики в монархию совершалось медленно, по мере изменения социально-экономического фундамента и образования новых социальных группировок.

Формальной датой конца Республики и начала Империи считается 27 год, когда в торжественном заседании сената Октавиан просил освободить его от врученных ему чрезвычайных полномочий. В качестве предлога Октавиан выставлял слабость здоровья, подорванного походами и луждавшимися в продолжительном отдыхе.

В «Римской истории» Кассия Диона сохранилась *речь Октавиана*, произнесенная им в заседании сената 13 января 27 г. в связи с предполагаемым его отказом от чрезвычайных полномочий. Речь эта, как и вообще все речи, передаваемые античными историками, представляет литературную композицию, но композицию, составленную на основе определенного исторического факта и потому не лишенную значения исторического документа.

«Мои слова, — так начал свою речь Октавиан, — многим из присутствующих могут показаться фальшивыми, ибо фальшивым всякий считает то, чего сам не в состоянии сделать. В настоящее время в моей власти удержать или сложить врученные римским народом чрезвычайные полномочия. Все, оказавшие мне какую-либо услугу, в настоящее время вознаграждены и привязаны ко мне.

Мои войска пышат силой и довольством. Меня окружают любовь, сила, богатство, многочисленные союзники. Самое же главное — то, что вы и римский народ своим благорасположением, любовью и доверием вознесли меня на вершину власти. И вот, чтобы ни у кого не оставалось мысли, что я насильственным путем удерживаю врученную мне единодержавную власть, я в настоящий момент перед вашим лицом слагаю с себя все свои полномочия и возвращаюсь к частной жизни.

Мне кажется, что я выполнил все, что только позволяли мои силы и способности. В исполнении моих обязанностей меня не утруждало ничто: ни угрозы и подкопы врагов, ни множество мятежников, ни бешенство недоброжелателей. Я все преодолел и благодаря этому спас родину. Теперь вы благодаря мне наслаждаетесь приятным миром и свободой.

Едва ли можно удивляться моему намерению сложить власть, зная мой характер, не позволяющий мне принимать все предлагаемые мне знаки отличия. Сколь скромными, сравнительно с моим отказом от единодержавной власти, кажутся все эти завоевания Галлии, покорение Египта, Фарнака, Юбы, походы в Британию и др. То, из-за чего проливалось так много крови, — единодержавная власть — уничтожается добровольным отказом от нее.

Конечно, мой добровольный отказ не может быть рассматриваем как желание бросить государство и вас на произвол судьбы, отдав вас во власть честолюбивых и порочных людей и столь же порочной черни, всегда подрывающей общественный порядок. Вам самим, почтеннейшие и уважаемые люди, отныне я передаю управление государством. И сделав для общего блага все, что только мог. Теперь же я чувствую себя утомленным и нуждаюсь в глубоком покое. Мой дух, мои силы исчерпаны»¹.

Трудно сказать, вызывался ли отказ Октавиана от чрезвычайных полномочий усталостью и лояльностью в отношении республиканской конституции или же это было его обычное лукавство, тонко рассчитанный политический шаг.

В сенате речь Октавиана вызвала большое смятение — сенаторы просили его не слагать своих полномочий до полного успокоения государства, указывая на то, что намеченная его отцом, «божественным Юлием», программа еще не выполнена, Парфия и Британия не покорены и мир внутри государства не обеспечен².

Объективная обстановка последних десятилетий Римской республики не позволяла рабовладельческому классу Италии совершенно отказаться от военной диктатуры и вернуться к прежним республиканским формам общественной жизни. Хозяйственное расстройство, отсутствие внешнего порядка, неопределенность имущественных отношений и правовых норм, постоянная угроза вспыхивки новой гражданской войны, восстания в провинциях, восстания рабов и пр. заставляли даже принципиальных республиканцев идти на политический компромисс в виде признания военной диктатуры в смягченной форме «республиканской монархии» или принципата.

За твердую власть стояли прежде всего 90 тысяч ветеранов, посаженных Октавианом на территории италийских муниципиев.

Август

¹ *Dio Cass.*, LIII, 3—10.

² *Horat.*, *Od.*, III, V; 1, 21, 15; *Verg.*, *Georg.*, I, 30.

Многие из них уже успели превратиться в зажиточных собственников, сделались членами (декурионами) местных муниципальных советов (курий), обзавелись хорошей обстановкой, семьей и пр. и жаждали только одного — мира и порядка. В стремлении к миру с ветеранами и офицерами сходились также другие социальные группы. Кроме того, концентрации власти требовало столичное население, страдавшее от недостатка продовольствия, подвоз которого был затруднен во время войны. Республикаские органы (сенат) не могли обеспечить правильное снабжение.

Состояние римского общества конца Республики запечатлелось в современной литературе, поэзии и исторических сочинениях. Достаточно привести в виде примера несколько выдержек из произведений двух популярных римских писателей-республиканцев, отделенных друг от друга более чем столетним промежуток времени, — *Горация* и *Тацита*.

«Вот уже два поколения, — говорит Гораций, — томятся гражданской войной. Рим разрушается собственной силой. Рим не могли погубить ни сильное племя марсов, ни грозная рать этрусского царя Порсены, ни мятежный дух Капуи, ни ярость Спартака, ни аллоброги, использовавшие внутренние смуты Римского государства; наконец, не дрогнул Рим и перед дотоле непобедимым Ганнибалом и синеею ордой германцев. Все римский дух победил, все он одолел. Не может он одолеть только одного — братоубийственной междоусобицы. Внутренняя война грозит последствиями, о которых страшно даже и подумать»¹.

Положение государства представляется римскому поэту ужасным и безвыходным. Всколыхнувшееся римское общество сравнивается с кораблем, посящимся по волпам бушующего, разъяренного моря:

О, корабль, отнесут в море опять тебя
Волны. Что ты? Постой! Якорь брось в гавани.
Неужели ты не видишь,
Что твой брат потерял уже
Весла — бурей твоя мачта надломлена,
Снасти жутко трещат, скрепы все сорваны,
И едва уже днище
Может выдержать властную
Силу волн. У тебя нет уж ни паруса,
Ни богов на корме — в бедах прибежища...
О, недавний предмет помысла горького,
Пробудивший теперь чувства сыновние,
Не пускайся ты в море,
Что шумит меж Цикладами²

¹ *Horat.*, *Epod.*, I, XVI.

² *Horat.*, *Od.*, I, XIV.

Варвар, увы, победит нас и, авоном копыт огласив
 Наш Рим, над прахом предков надругается.
 Кости Квирина, что век не знали ни ветра, ни солнца,
 О, ужас! — будут дерзостно разметаны¹.

Ту же самую картину общей усталости, растерянности и жажды мира рисует римский историк Корнелий Тацит. Тацит отмечает глубокую усталость, парализующую творческие силы римского общества, жажду мира и демагогическую политику Октавиана, привлекавшего к себе одних раздачами и обещаниями, других страхом, а всех вообще надеждой на «сладкий мир»².

«После актийской битвы правление одного сделалось условием мира»³.

Еще категоричнее ту же самую идею выражает историк III века Кассий Дион: «Правление приняло в эту эпоху лучшую и более спасительную, с точки зрения общественного блага, форму, ибо для всех римлян стало ясно, что абсолютно невозможно спасти себя при республиканской форме»⁴.

«О, Мелибей, — заявляет Титир в первой буколике Вергилия, написанной около 41 г. до н. э., — это бог, кто дал нам настоящий покой. Да, он всегда останется для меня богом»⁵.

Современники на события 27 года смотрели не как на официальное признание монархии, а как на возвращение к республиканскому строю, свободе, праву и законности и как на конец гражданской войны.

«Наконец, — читаем в «Римской истории» Веллея Патеркула, — гражданские раздоры потушены, внешняя война погребена, мир восстановлен, безумство оружия повсюду приглушено, законам возвращена сила, судьям — авторитет, сенату — величие» (*revocata pax, sopitus ubique armorum furor; restituta vis legibus, iudiciis, auctoritas senatui maiestas*)⁶. Те же самые чувства выражены и в дошедших до нас эпиграфических памятниках (надписях).

«Он (Август) восстановил республику римского народа», — говорится, например, в одной надписи из Пренесте. На монетах Август квалифицируется как «защитник свободы» (*libertatis vindex*).

Объективная необходимость иметь твердую власть, с одной стороны, и горький опыт «божественного Юлиа», с другой, заставляли республиканцев и Октавиана пойти на компромисс. Республиканцы, а таковых в римском обществе тогда было не-

¹ *Horat.*, *Epod.*, XVI, 10—15.

² *Tacit.*, *Annales*, I, 1.

³ *Tacit.*, *Historiae*, I, 1.

⁴ *Dio Cass.*, LIII, 19.

⁵ *Vergil.*, *Bucolica*, I, 6—7.

⁶ *Vell. Pat.*, II, 89.

мало, соглашались на предоставление в ограниченных пределах чрезвычайных полномочий Октавиану. Политический строй, установившийся в Риме со времени Октавиана, носит название *Принципата*, бывшего «некоторым подобием республики» (*quaedam imago rei publicae*, — по выражению Тацита)¹.

Вначале думали провозгласить Октавиана царем, но по политическим соображениям от этого отказались, так как самое слово «царство» или «монархия», по словам Кассия Диона, было тогда столь ненавистно римлянам, что они не называли своих императоров ни диктаторами, ни царями. Но так как верховная власть все же падала в их руках, то почему бы не сказать, что они были осчастливлены царями. Все делается так, как того захотят императоры. Однако, чтобы сохранить видимость, будто они владеют всем не по произволу, а по праву, они присваивают все общественные функции и права, имевшие наибольшее значение при царствовании².

Термин «*принцепс*» шире термина «император», входящего в него как один из основных признаков. Принцепс — это первый магистрат государства, власть которого признана народом и ограничена народным суверенитетом, с одной стороны, пожизненно и непередаваема по наследству — с другой³.

«Принцепс» — республиканский термин, не содержащий ничего одиозного с конституционной точки зрения. Принцепс — первый гражданин (*princeps civitatis*) и первый сенатор (*princeps senatus*). Но уже при Октавиане принцепс означал нечто большее, чем только первый гражданин и первый сенатор. «После этого я отличался от всех по своему влиянию (*auctoritate omnibus praestiti*), — так характеризует свое положение в государстве сам Октавиан, — но не имел в распоряжении большей власти, чем мои коллеги по должностям»⁴. В дальнейшем, в течение двух первых столетий нашей эры, принцепс эволюционирует в императора в позднейшем значении этого термина, т. е. в неограниченного самодержца, или царя. В общих обзорах римской истории и истории римского права *принципатом* обычно называют первую половину Римской империи — Раннюю империю I—III вв. н. э., которая противопоставляется *доминату*, или Поздней империи (IV—V вв.). Аналогичную эволюцию прошел и титул *цезаря* (*Caesar*), сперва бывший родовым прозвищем (*cognomen*) Юлиев, а затем превратившийся в один из титулов римских принцепсов и императоров. Титул императора, в свою оче-

¹ Tacit., Annales, XIII, 28.

² Dio Cass., LIII, 17.

³ Léon Homo, Auguste, Paris 1935, p. 168.

⁴ Monum. Ancyrr., 34.

редь, из узкого значения почетного звания военных командиров переродился в титул главы государства, императора в позднейшем смысле.

Наряду с принцепсом, цезарем и императором римские правители назывались еще *августами*. В качестве почетного наименования титул *Августа* был поднесен Октавиану сенатом в историческом заседании 13 января 27 г., когда он сложил с себя диктаторские полномочия. С юридической точки зрения, «Август» не имел никакого содержания, но он имел сакральное значение. Август (Augustus) от глагола *augere* — увеличивать, умножать; (по-гречески *Sebastos*) — умножатель и податель благ — заключает в себе нечто мистическое, божественное, роднящее носителя этого почетного титула с авгурами, истолкователями божественной воли, выражаемой в различных посылаемых богами знамениях (*divinatio*).

С 27 г. Октавиан стал называться *Августом*, и с этого времени Август сделался его личным именем и титулом для всех последующих носителей верховной власти в Риме. На дверях вдовь отстроенной курии Юлия (*curia Julia*) был повешен золотой щит, посвященный Августу, с надписью: «*Senatus populusque Romanus Augusto dedit clupeum virtutis, clementiae, iustitiae, pietatis causa*» (сенат и народ римский посвятили Августу щит за его доблесть, милосердие, справедливость, благочестие) ¹.

По предложению народного трибуна Пакувия, в этот месяц римского календаря (*sextilis*) был переименован в месяц *Августа* ² (*Augustus*).

Современники, в том числе и сам Август, считали 13 января 27 г. днем окончания гражданской войны и восстановления Республики (*res publica restituta*), история же должна считать этот день началом Империи.

С точки зрения конституционного права, Республика и Империя представляли политические организации, исключаящие одна другую, но при всем формальном различии между ними имелось одно существенное сходство. Как Республика, так и Империя были политическими надстройками рабовладельческого общества, хотя различно организованными и находящимися на разных стадиях исторического развития.

«Во времена рабовладельческие, — говорит Ленин, — в странах, наиболее передовых, культурных и цивилизованных по-тогдашнему, например, в древней Греции и Риме, которые целиком покоились на рабстве, мы имеем уже разнообразные формы государства. Тогда уже возникает различие между монархией и республикой, между аристократией и демократией...

¹ С. I. L., IX, 581.

² *Macrob.*, Sat. I, 12, 35;

Все эти различия возникли в эпоху рабства. Несмотря на эти различия, государство времен рабовладельческой эпохи было государством рабовладельческим, все равно — была ли это монархия или республика аристократическая или демократическая»¹.

2. РОСТ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ

Отмирание республиканских учреждений и рост императорской власти являлись закономерным следствием превращения города-государства в Средиземноморскую империю, создания постоянной армии и бюрократического аппарата. В течение пяти столетий Римской империи социальная природа императорской власти не оставалась неизменной, меняясь параллельно с изменением соотношения социальных сил. Императоры первой династии из дома Юлиев — Клавдиев больше были связаны с Италией и нобилитетом, нежели последующие династии, опиравшиеся на привилегированные верхи, провинциальную плутократию и ветеранов.

Основным документом по истории первых десятилетий принципата являются «Деяния божественного Августа» (*Res gestae divi Augusti*), нечто вроде политического завещания, составленного в конце жизни Августа и охватывающего всю историю его правления, с первого выступления на политическую арену и до последнего года его жизни. Написанные на двух бронзовых досках, «Деяния» были поставлены в Риме перед мавзолеем Августа и воспроизведены во многих итальянских и провинциальных городах. Одна из таких копий была найдена австрийской экспедицией в половине XVI в. в малоазиатском городе Анкире (Ангора) и известна в науке под именем *Анкирской надписи* (*Monumentum Ancyranum*)².

Политический смысл «Деяний божественного Августа» не оставляет сомнений. Это было тонко продуманное оправдание всей политики Октавиана Августа, написанное сухим, деловым и серьезным стилем, рассчитанным не на чувства, а на логику. Часто отступая от исторической реальности, Август стремится представить свою деятельность как совокупность законных конституционных актов, совершенных с согласия и по воле сената и римского народа.

«Девятнадцать лет от роду, — гласит 1-й параграф «Деяний», — по собственному почину и на свои средства (*privato consilio et privata impensa*) я собрал войско, благодаря которому вернул свободу государству, угнетенному партией злоумышленников (*rem publicam dominatione factionis oppressam in libertatem vindicavi*).

¹ Ленин. О государстве, Собр. соч., т. XXIV, стр. 369—370.

² Th. Mommsen, *Res gestae divi Augusti*, 2 Aufl., 1883.

Во имя этого сенат особыми почетными декретами ввел меня в свой состав, дав мне право подавать мнение вместе с консулярами, и вручил мне *imperium*»¹.

«Море я очистил от пиратов. В этой войне я захватил около 30 тыс. рабов... и предал их для наказания их господам. Вся Италия присягнула мне добровольно и потребовала, чтобы я был вождем в той войне, в которой я одержал победу при Акции. Провинции — Галлия, Испания, Африка, Сицилия и Сардиния — принесли мне такую же присягу»².

«В благодарность за мои заслуги постановлением сената я был провозглашен Августом» (*Quo pro merito meo senatus consulto Augustus appellatus sum*)³.

Исторически власть принцепса, закономерно превращавшегося в абсолютного монарха «божиею милостью», развилась из двух республиканских магистратур: *проконсульства* и *народного трибуната*. При Республике проконсульский империй (*imperium proconsulare*) предоставлял его носителю верховную команду в пределах одной (*imperium finitum*) или нескольких провинций (*imperium maius infinitum*). Трибунская же власть (*potestas tribunicia*) предоставляла право законодательной инициативы и облакала ее носителя санкцией народного авторитета. Но при Республике и Империи между названными магистратурами была существенная разница. В то время как при Республике та и другая магистратура были ограничены во времени и пространстве определенной территорией (провинция, городской померий) и годичным сроком с правом пророгации (продления власти), проконсульство и трибулат Августа не ограничивались ни пространством, ни временем. В этом и заключалось его принципиальное отличие от республиканских магистратур.

В силу проконсульского империя Август являлся верховным командиром (императором) вооруженных сухопутных и морских сил на всем протяжении государства, в том числе и в Италии и в самом Риме, поскольку там находились военные части — преторианская гвардия, городские когорты охраны, пожарная дружина и т. д. Большая же часть войск была сосредоточена в пограничных провинциях, еще не вполне освоенных Римом, где существовала постоянная опасность восстаний и вторжений. За этими провинциями, к числу которых принадлежали Испания, Галлия, Фракия, Далмация, Сирия, утверждалось название *императорских*, или *цезарских* (*provinciae Caesaris*), т. е. провинций, находящихся на военном положении. К императорским провинциям надо отнести также и Египет, составлявший личную

¹ *Monum. Ancyr.*, 1.

² *Ibid.*, 25.

³ *Ibid.*, 34.

собственность, или патримоний, императора. Императорским провинциям противопоставлялись *сенатские* (*provinciae senatus*), управляемые республиканскими магистратами — пропреторами и проконсулами — и только в военном отношении подчиненные Августу — императору.

В силу постоянного военного положения власть императора в императорских провинциях по существу была диктаторской. Подобно диктатору, император по «праву меча» (*ius gladii*) имел власть над жизнью и смертью жителей подчиненных ему провинций — туземцев и римлян, издавал декреты, распределял и устанавливал налоги, руководил общественными работами, постройками, общественным продовольствием и был высшим апелляционным и кассационным судебным органом. Но все это не имело бы значения, если бы император не имел прочной *материальной базы*. Сила Октавиана Августа заключалась не только в его диктаторских правах, но также и в его колоссальном земельном и денежном богатстве. Он был крупнейшим земельным магнатом. Поместья принцепса и его семьи были разбросаны по всему государству, следы их сохранились как в императорских, так и в сенатских провинциях.

В поместьях принцепса, составлявших основное ядро его богатства, велось обширное хозяйство, руководимое императорскими управляющими — *прокураторами* (*procuratores*), которых назначал и оплачивал сам император, независимо от общегосударственных учреждений. В подведомственных им областях императорские прокураторы имели не только специально фискальные функции, но также и судебные права. В их распоряжении находился обширный служебный персонал свободных, либертинов и рабов. Сами прокураторы большей частью принадлежали к всадническому сословию. По сравнению со всеми остальными землевладельцами виллы принцепса находились на особом положении, пользуясь многими привилегиями.

Наряду с патримонием Август как император распоряжался всеми доходами императорских провинций, поступавшими не в общегосударственную казну (*aerarium Saturni*), а в специальную императорскую казну — «корзину» — *фиск* (*fiscus*). Фисками (*fisci*) в Риме называли плетеные корзины, в которые собирали оливы при выжимании масла, а также корзины или кошельки для хранения денег и ценностей.

При наличии колоссальных средств принцепс мог вербовать себе клиентов, вести агитацию, устраивать торжества, игры, закупать хлеб, оплачивать долги сенаторов, приобретать земли для ветеранов, вести на собственный счет войну, рекомендовать угодных ему кандидатов на общественные должности и устранять неугодных; формально все это протекало в законных рамках конституции.